

ВИЗАНТИЯ В СВЕТЕ СКАНДИНАВСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ*

Начиная с рубежа VIII–IX вв. в византийских источниках появляются первые сведения о проникновении норманнов в имперские владения¹. Количество известий – теперь также и в древнерусских источниках – увеличивается в X в. по мере учащения поездок скандинавских купцов – для торговли и воинов – для службы в византийской армии и с конца века в императорской гвардии². В собственно же скандинавских источниках свидетельства о поездках на восток и в Византию появляются только в XI в.³, но фиксация этих свидетельств современна самим событиям. Эти источники – рунические надписи, которые образуют две группы⁴.

К первой группе принадлежат 32 стелы, происходящие из Швеции (памятников аналогичного содержания в Дании и Норвегии нет), в подавляющем большинстве из двух среднешведских областей вокруг озера Меларен: Упланда (19) и Сёдерманланда (8), две находятся в Эстерьётланде и по одной в Вестерьётланде, на Готланде и в Смоланде. Формульные надписи на этих камнях прославляют людей, которые побывали в Византии, многие из них погибли во время путешествия. Значительная часть текстов содержит, хотя и краткие, указания на цели путешествия, обстоятельства смерти или другие события. Аутентичность надписей делает сообщения рунических надписей особенно ценными. Вторая группа состоит из рунических надписей-граффити, обнаруженных на территории Византии: две из них, выявленные в последние десятилетия, нанесены на парапеты хоров собора Св. Софии; несколько надписей вырезано на статуе льва, которая стояла в Пирее.

* Статья написана в рамках проекта, поддержанного РФНФ (№ 03-01-00113а).

¹ Бибигов М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 97–105; Бибигов М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. göþR – ‘Рѡс – Русь: ранние этапы скандинаво-русско-византийских отношений // Материалы XVIII международного конгресса византистов. М., 1991. Ч. 2.

² О пребывании скандинавов в Византии см.: Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 176–376; Ellis Davidson H. The Viking Road to Byzantium. L., 1976; Blöndal S., Benediktz B.S. The Varangians of Byzantium. Cambridge, 1978. Об отражении связей Скандинавии и Византии см. материалы конференций: Le Pays du Nord et Byzance. Actes du colloque d'Upsal 20–22 avril 1979 / Red. R. Zeitler. Uppsala, 1981; Byzans och Norden. Akta för Nordiska forskarkursen i byzantinsk konstvetenskap 1986 / Red. E. Piltz. Uppsala, 1989; Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. M. Müller-Wille. Bd. 1. Stuttgart, 1997.

³ Богатую информацию о поездках скандинавов в Византию содержат исландские родовые и королевские саги, которые, однако, записывались в конце XII–XIII в. В меньшей степени византийские связи отражены в скальдических стихах XI–XII вв. Ссылки на эти источники, равно как и их далеко неполные перечни см. в работах, указанных в примеч. 2.

⁴ Публикацию обеих групп надписей см.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые открытия и интерпретации. М., 2001. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). (Далее: СРН). С. 257–272, 348–353.

Обратимся сначала к информации шведских мемориальных стел.

Пребывание скандинавов в Византии отмечается в надписях тремя выражениями. Первое и наиболее распространенное – *fara* (или *vara*) *í grik(k)jum* “ездить в греки” или “находиться в греках” (21 раз). Вторым по частотности выражением было *vara með grik(k)jum* “быть у (среди) греков” (6 раз). Несравненно реже – всего 2 раза – в первой конструкции употреблялось наименование *Grikland*, производное от этнонима *grik(k)jar* с термином *land* – “земля греков”.

Обозначением Византии в этих выражениях, таким образом, служит по преимуществу этноним “греки”. Он используется даже в списке мест, посещенных(?) или известных автору надписи на литейной форме с Готланда: “Греки. Иерусалим. Исландия. Серкланд” (*krikiaR iaurusaliR islat serklat*)⁵. Однако наименование страны (государства) этнонимом, т.е. использование этнонима в значении политонима или хоронима, нетипично для скандинавской топониматики. Этнонимы, как правило, заимствованные из языка его носителей, передавались средствами древнескандинавских языков с большей или меньшей степенью их адаптации и обозначали именно племя (*fínnar*, *bjarmar*, *kirjalir*), народ (*englar*) или группу народов (*várir* – романцы: французы, иногда итальянцы). Обычной же моделью для образования внескандинавских хоронимов и политонимов служил композит этноним + термин *land* (позднее, применительно к государственным образованиям, причем в основном скандинавским, – *ríki*): *England*, *Frakkland*, *Serkland*, *Kurland*, *Romaríki* и т.д.⁶ В эту модель вписывается мало распространенный хороним/политоним *Grik(k)land*. Обозначение же Византии этнонимом *grik(k)jar/grik(k)ir* стоит в древнескандинавской топониматике особняком, других аналогичных по способу образованию хоронимов мне не известно.

Подобное же соотношение этнонима и хоронима/политонима для обозначения Византии сохраняется и в более поздних скандинавских текстах. Основным обозначением Византии в королевских и родовых сагах и в скальдической поэзии также является этноним *grik(k)ir*⁷; хороним *Grik(k)land* встречается по преимуществу в ученой и переводной древнескандинавской литературе (географических трактатах, исторических сочинениях, переводных сагах), где отмечен также редкий топоним *Romania*⁸, хотя он, также как и названия *Romaríki* и *Rómaveldi*, значительно чаще обозначает Италию. Несколькими разами топоним *Grik(k)land* употреблен в ранних сборниках королевских саг “Гнилая кожа” (конец XII в.) и “Красивая кожа” (ок. 1220 г.)⁹, но в них также представлен и этноним *grik(k)ir*.

Обособленность способа обозначения Византии заставляет предполагать, что оно принадлежит не собственно древнескандинавскому лексическому фонду, а является заимствованием, причем достаточно ранним, не позднее начала XI в., когда оно уже последовательно отражается в шведских

⁵ СРН. Б-III.4.7.

⁶ *Krag C.* Landskapsnavn på -land og -rike // *Historisk tidsskrift*. Oslo, 1971. B. 50. N 4. S. 341–354; *Melnikova E.A.* Struktur und Chronologie des osteuropäischen Toponymie in altnordischen geographischen Werken // *Sowjetische Skandinavistik. Eine Antologie*. Frankfurt am Main, 1992. S. 267–278.

⁷ *Metzenthin E.M.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania University Press, 1941. S. 37.

⁸ *Ibid.* S. 87.

⁹ *Ibid.* S. 36.

рунических надписях, т.е. было общеизвестным и общепринятым. Возможных путей проникновения названия было три: его непосредственное восприятие при общении с византийцами, через Западную Европу (Англию или Германию) и через Восточную Европу (Древнюю Русь).

Наименование *grik(k)ir* ни в коей мере не могло отражать самоназвание византийцев, которые последовательно именовали себя ромеями, а отнюдь не греками. Также и империя носила наименование Романия, а не Греция.

Мало вероятно и восприятие скандинавами принятого в Западной Европе названия Византийской империи *Regnum (Imperium) Graecorum*. Латинское обозначение соответствовало наиболее естественной для Скандинавии модели – этноним + *land/riki* и должно было отразиться именно в этой форме.

Связи же Скандинавских стран, особенно Швеции, с Византией осуществлялись преимущественно через Русь, а не через Западную Европу, и именно в древнерусском словоупотреблении имеется единственное прямое соответствие: обозначение Византии только и постоянно этнонимом “греки” (“пойти в греки” и т.д.). Такой способ образования хоронимов и политонимов был вообще характерен для древнерусского языка: в Повести временных лет, например, наименования земель и государств представлены чаще всего этнонимами или, реже, словосочетанием, состоящим из этнонимического прилагательного с термином *земля*: Польша – *ляхи* и *Лядская земля*, Венгрия – *угры* и *Угорская земля*, Хазарское государство – *хазары* и т.д.¹⁰ Исключением – весьма показательным – является использование собственно хоронимов в географическом введении к Повести, основанном на хрониках Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Эти хоронимы – прямые заимствования византийских, например, Скуфия, Макидонья, Далматия и др. Однако хоронимы уступают место этнонимам, как только летописец от перевода переходит к собственному географическому описанию (“В Афетове же части седять русь, чудь...”)¹¹.

Все это дает основание предположить, что обозначение Византии *grik(k)jar/grik(k)ir* воспроизводит древнерусское *греки* и было усвоено скандинавами во время их пребывания на Руси и в Византии вместе с русскими дружинниками еще в IX–X вв. Принесенное бывшими варягами на Север, оно закрепилось в общественном сознании и стало общепринятым (ср., видимо, аналогичное происхождение названия *Miklagardr* “Великий город”, Константинополь – калька др.-рус. Царьград)¹². Лишь в редких случаях оно оформлялось в соответствии с максимально продуктивной моделью на *-land* по аналогии с другими хоронимами.

Указания на путешествие человека, в честь которого была воздвигнута стела, в Византию часто дополнялось уточнениями: *út* “далеко (*út í grik(k)jum* “далеко = за морем в греках”)¹³ и *austr* “на восток, на востоке” (*austr í grik(k)jum* “на востоке в греках”)¹⁴. Наречие *út*, как правило, использовалось

¹⁰ Хабургаев Г.А. Этнонимия “Повести временных лет” в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979.

¹¹ Повесть временных лет / Под ред. Д.С. Лихачева с доп. М.Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 7–8.

¹² Джаксон Т.Н., Молчанов А.А. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути “из варяг в греки” // ВИД. 1990. Вып. 21. С. 226–238.

¹³ СРН. Б-III.7.7; Б-Приложение 1.1, 2, 5, 15.

¹⁴ СРН. Б-III.5.14; Б-III.5.17 (?); Б-III.6.1, Б-III.9.3.

для обозначения не просто удаленности места, но его удаленности за морем, достичь это место можно было только морским путем¹⁵. Тем самым выражение *út í grik(k)jum* подразумевало, что Византия находится на большом расстоянии от Скандинавии и путь туда лежит морем.

Содержательным было и определение *austr*. Согласно древнескандинавской системе пространственной ориентации и соответствующему ей членению ойкумены, мир делился на четыре неравные части по сторонам света: север, восток, запад и юг с вероятным центром ориентации в Западной Балтике¹⁶. Отнесение тех или иных регионов ойкумены к частям света определялось не их реальным расположением относительно Скандинавии, а направлением начального, от Скандинавии, пути. Так, Англия находилась в западной четверти, дальше “на запад” лежала Франция, еще “западнее” находилась Испания. Южная четверть охватывала, фактически, лишь очень незначительную часть Центральной и Южной Европы: от Южной Прибалтики и Ютландского полуострова до Италии. Следуя этому принципу, Византия помещалась в восточной “половине”¹⁷ мира – в конце Восточного пути, который начинался в Западной Балтике и продолжался по рекам Восточной Европы вплоть до Черного моря. Связь Византии с Восточным путем была настолько устойчива, что византийские императоры могли быть названы “конунгами Восточного пути” (*Austrvegs konungar*)¹⁸. Таким образом, употребление обозначения *austr* несло важную семантическую нагрузку: оно, во-первых, относило Византию к восточной части мира и, во-вторых, указывало на основной путь, по которому в нее можно было попасть – по рекам Восточной Европы.

Упоминания Византии в рунических надписях чрезвычайно многочисленны (32 случая). Достаточно сказать, что Русь, которая и сама являлась целью походов, и служила транзитной зоной для тех, кто стремился в Византию, вместе с топонимами, относящимися к Древней Руси, названа только в 18 текстах, а Англия, значительная часть которой была завоевана норманнами, – в 28 (в одном из них назван Лондон). Между тем Византия представлена в рунических надписях практически только своим общим обозначением – в отличие от Руси, где наряду с хоронимом/политонимом (10 надписей) в 8 названы другие объекты, по преимуществу города¹⁹.

Единственное исключение составляет также достаточно расплывчатое и общее наименование *Grik(k)hafn* “Греческая гавань”²⁰, но текст не дает ника-

¹⁵ Об интерпретации рунического *uti* см.: *Salberger E. Runsv. uti × krikum. En uttryckstyp vid namn på länder // Ortnamnsselskapets i Uppsala årsskrift. 1997. S. 51–68.*

¹⁶ *Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994 год. М., 1994. С. 54–66.*

¹⁷ Как и во всей средневековой европейской географии, исландские географические трактаты, восходящие к ней, отводили Азии восточную половину ойкумены [что особенно наглядно проявлялось на картах мира типа Т-О; см.: *Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР); Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. М., 1999. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)]. В христианской географической традиции при этом ойкумена членилась на трети, в скандинавской местной традиции – на четверти.*

¹⁸ *Rymbegla sive rudimentum computi ecclesiastici et annales veterum islandorum / S. Björnönis. Havniae, 1780. Cap. XXXI, § 135. Параграф имеет цитированный заголовок и перечисляет византийских императоров.*

¹⁹ СРН. С. 64–73.

²⁰ Там же. Б-III.7.28.

ких оснований для предположений о том, что именно имеется в виду: Золотой Рог или какая-то иная гавань (ср. ниже надписи на Пирейском льве).

Позднее, в источниках XII–XIII вв. (скальдических стихах, сагах, географических трактатах) широко употребительным станет наименование Константинополя (*Miklagardr*, от *mikill* “большой, великий” и *gardr* “огороженный хутор, двор” – термин, характерный для наименований городов, лежащих на пути из варяг в греки), описание храма Св. Софии (*Egisif*)²¹, появятся упоминания и – реже – описания отдельных районов или зданий города²², в первую очередь императорского дворца и прилегающих к нему участков (подобных описаний для Новгорода или Киева нет). В географических трактатах встречаются и обобщающие наименования “Греческие острова” (*Grikklands eyjar*) и “Греческое море” (*Grikklands haf*)²³, которые не поддаются конкретизации. Однако эти упоминания редки и разрозненны. Видимо, названия конкретных объектов не вошли в основной фонд знаний скандинавов о мире, который формировался в эпоху викингов и получил общескандинавское распространение. Они отражают информацию, донсенную в составе рассказов о пребывании в Константинополе того или иного вэринга уже в XI–XII вв., и встречаются в контексте именно этого рассказа, включенного в сагу.

Единственным более или менее известным словом, наряду с обозначением страны, стало наименование скандинавов, побывавших в Византии, – *Grik(k)fari* “ездивший к грекам”²⁴. Оно образовано по употребительной, хотя и не слишком распространенной модели – этноним + *fari* (ср. *Englandsfari*, *Rómfari* и др.). Такого рода обозначения встречаются не только в рунических надписях, но и в сагах, итинерариях и других произведениях.

Отсутствие каких-либо конкретных византийских топонимов в рунических надписях свидетельствует, что в сознании тех, кто заказывал и читал их, Византия выступала как единое и нерасчлененное целое, в котором не выделялись отдельные географические объекты. Такая “цельность” упоминаний Византии, видимо, связана с тем, что на протяжении XI в. фонд сведений о Византии в Скандинавии еще только формировался. Хотя посещения скандинавами Византии начались в IX в.²⁵, они носили спорадический характер и стали более регулярными в X в. Действительно же большой приток скандинавов в Константинополь возник лишь в самом конце X в.²⁶, когда из них стала формироваться императорская гвардия, и, видимо, достиг пика в середине XI в. во времена Харальда Сигурдарсона²⁷. Именно в сагах о Харальде (древнейшая редакция в рукописи *Morkinskinna* “Гнилая кожа” дати-

²¹ “В Миклагарде есть церковь, которую их люди (греки. – *Е.М.*) называют Агиософия, а норманны называют Эгисив; эта церковь по облику и размерам самая великопелная и знаменитая из всех церквей в мире” (Описание Земли I // *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения... С. 76/78).

²² Известным зданием был императорский дворец, получивший в сагах название Полота (от др.-рус. *палата*). Он несколько раз упоминается в контексте рассказов о вэрингах.

²³ *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения... С. 61–62/64–65, 76/78.

²⁴ СРН. Б-Приложение 1.4, 13.

²⁵ *Бибиков М.В., Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* *göþR – ‘Rōς – Русь...; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв. К истории названия *варяг* // *Славяноведение.* 1994. № 2. С. 56–68.

²⁶ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы...

²⁷ *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина...

руется концом XII в.) содержится наиболее подробное описание Константинополя²⁸, называются византийские императоры, при которых служил Харальд, и складывается набор общеизвестных сведений о Византии.

Уже сама распространенность упоминаний Византии в надписях указывает на многочисленность поездок туда скандинавов. О частоте поездок в Византию свидетельствуют также родовые и королевские саги и судебники Швеции и Норвегии, в которые внесены специальные статьи о порядке вступления в наследство в тех случаях, когда завещатель или наследник находится в Византии²⁹.

По сообщениям саг, основным видом деятельности скандинавов в Византии была служба в императорской гвардии или в византийском войске. Определение погибшего в рунических надписях как “доброего воина” (*drengr góðr*) также, вероятно, свидетельствует о его военной деятельности. Однако при всей распространенности этого определения³⁰ в “византийских” надписях оно встречается только один раз³¹. Другим указанием на военную деятельность может служить употребление глаголов *farask* “погибать”³² и *falla* “пасть”³³, отмечающих насильственную – в бою – смерть человека. Но и они использованы только по одному разу. Как правило, путешественники в Византию “умирают” (*deyja, vera dauðr, andask*), что может предполагать смерть от болезни или несчастного случая, хотя, конечно, и не исключает гибели в бою.

Лишь в одной надписи заказчик памятника счел необходимым сообщить более подробно о своем пребывании в Византии: “Рёгнвальд велел высечь руны по Фастви, своей матери, дочери (?). Она умерла в Эде. Бог да поможет ее душе. Руны велел высечь Рёгнвальд, который в Грикланде был вождем войска” (*a griklanti uas lis forunki*)³⁴. Слово *lid* “народ, люди, войско, дружина” было наименованием любого вооруженного отряда, собранного конунгом, хёвдингом или просто бондом. Вероятно, Рёгнвальд был упландским хёвдингом, который либо пришел в Византию вместе со своей дружиной (как Харальд Сигурдарсон), либо добился положения главы отряда вэрингов.

Таким образом, хотя в подавляющем большинстве надписей вид деятельности в Византии людей, в чью честь воздвигнут памятник, не называется, можно предполагать, что по крайней мере значительная их часть ездил

²⁸ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги (середина XI в. – середина XIII в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 2000 (Древнейшие источники по истории народов СССР). С. 89–145.

²⁹ Соответствующие статьи имеются в Старшем и Младшем Вестгёталаге (*Westgötalagen. Arfþarbolkar 12 // Collin H.S., Shlyter C.J. Sweriges gamla lagar. Stockholm, 1827. B. 1*; Пер. на рус. яз. А.В. Фоменковой в кн.: Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1999. С. 210–211), Законах Гулатинга (*Norges gamle Love / Udg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1846. B. 1. S. 26*), древнейшем своде исландских законов *Grágás* (*Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Udg. G. Karlsson, K. Sveinsson, M. Árnason. Reykjavík, 1992*).

³⁰ СРН. С. 46–47. См. также: *Randsborg K. The Viking Age in Denmark. The Formation of a State. L., 1980*.

³¹ СРН. Б-Приложение 1.11.

³² СРН. Б-III.7.28 (?); Б-Приложение 1.1 (в издании надписей я неверно прочла группу *furs* как форму претерита глагола *fara* “ездить”. Ее следует интерпретировать как претерит от глагола *farask* “погибать”).

³³ СРН. Б-Приложение 1.23.

³⁴ СРН. Б-Приложение 1.22.

ла в Византию с торговыми целями. Этот вывод в известной степени противоречит сообщениям королевских и родовых саг, которые обычно рассказывают о воинских подвигах исландцев и норвежцев, отправившихся в Византию. Представляется, что такое сужение сфер деятельности скандинавов в Византии обусловлено в первую очередь доминирующими интересами составителей и слушателей саг.

Судя как по сагам, так и по руническим надписям, пребывание в Византии было чрезвычайно прибыльным. Рассказ о полученном Харальдом Сигурдарсоном богатстве во время службы в Византии составляет в саге отдельный, подробно разработанный мотив³⁵. Но и в рунических надписях трижды говорится о добытом золоте³⁶ и о “приобретении наследства”, т.е. имущества, богатства, которое можно завещать наследникам³⁷.

В XI в. появляется новый тип путешественников, путь которых также лежал через Русь и Византию, – это паломники в Святую Землю. Первые описания паломничеств относятся к XII в.³⁸, но уже в трех рунических надписях упоминается Иерусалим³⁹ – цель и символ, к которым стремились христиане-неофиты. Особый интерес представляет надпись из Брөбю (Упланд), рассказывающая об одной печально закончившейся поездке в Святую Землю: некий Эйстейн “направлялся в Иерусалим и умер далеко в греках”⁴⁰. При этом в надписях представлена более архаичная, нежели в сагах и других письменных произведениях форма названия – *Jórsalir*, без форманта *-borg*.

Таким образом, стелы с руническими надписями из Швеции характеризуют Византию как страну, лежащую в восточной части мира и достигаемую Восточным путем, богатую и потому интересующую многих скандинавов. Через Византию лежит также дорога в Святую Землю и Иерусалим – новый центр притяжения для недавно обращенных в христианство скандинавов.

Второй комплекс рунических надписей, свидетельствующий о связях скандинавского Севера с Византией, – граффити, обнаруженные на ее территории. Находки младшерунических надписей в тех регионах Европы, куда скандинавы попадали более или менее регулярно, отмечались уже с середины XIX в. Дж. Стивенс включил в свой свод несколько скандинавских надписей из Англии⁴¹. В 1905 г. был найден рунический камень на о-ве Березань

³⁵ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги... С. 140–142.

³⁶ СРН. Б-Приложение 1.6 (*uaR han i krikum iuli skifti*); Б-Приложение 1.11 (*for ulaifr i krikium [g]juli sifti*). В обоих случаях употреблено одно и то же метафорическое выражение “дробить, делить золото” (*skifa gulli*), часто употреблявшееся в скальдических стихах. Это сходство, возможно, обусловлено близостью местонахождения памятников: они могли быть высечены одним мастером или текст одной из стел, понравившись заказчику, мог послужить образцом для второй.

³⁷ СРН. Б-Приложение 1.15 (*aflafi uti krikum arfa sinum*). Среди “русских” надписей лишь в одной упоминается о нажитом в “Гардах” богатстве.

³⁸ Мельникова Е.А. Древнескандинавские итинерарии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 363–436.

³⁹ СРН. Б-III.4.7; Б-III.7.20; Б-Приложение 1.2.

⁴⁰ Там же. Б-Приложение 1.2 (*is suti iursalir auk antapis ub i kirkum*).

⁴¹ Stephens G. The Old Northern Runic Monuments of Scandinavia and England. Vol. I–IV. L., 1866–1901.

в устье Днепра⁴². При раскопках Дублина (Ирландия) в конце 1980-х – начале 1990-х годов обнаружена серия костей с руническими и руноподобными надписями⁴³. Несколько бытовых младшерунических текстов на различных предметах (гребнях и др.) происходят из земель поморских славян⁴⁴.

Еще в конце XVIII в. была обнаружена и первая надпись, сделанная скандинавами в Византии: на мраморном льве, вывезенном венецианцами из Пирея, было выявлено несколько рунических надписей, которые уже в то время были сильно повреждены и местами не читались⁴⁵.

По прошествии 200 лет (в 1964 г.) было сделано следующее открытие: граффито некоего Хальвдана на парапете хор в Софийском соборе (Айя-София) в Стамбуле⁴⁶. Эта надпись состоит из, по меньшей мере, 21 знака (вероятно, больше), но читается в ней только одно имя собственное *Halfdanr* (*alftan*) – Хальвдан, открывающее текст. Палеография надписи не содержит датирующих признаков, и потому ее можно датировать лишь максимально широко – концом X – началом XII в.

Позднее (в 1975 г.) на парапете в той же галерее было выявлено еще одно короткое (4 знака) граффито⁴⁷. Расходясь в прочтении двух последних знаков, оба предложенных чтения интерпретируют надпись как имя собственное: *Ári* (*ari k*) – Ари или *Árni* (*arni*) – Арни. Первое чтение предполагает присутствие руны *k*⁴⁸, которая может быть начальной буквой слова *gerdi* “сделал”, претерита от глагола *gera* (в рунических надписях обычно *karþi*). В таком случае надпись означает “Ари сделал [эту надпись]”. Подобные тексты широко распространены во всех Скандинавских странах и рассматриваются как “автограф” человека, вырезавшего надпись. Каково бы ни было чтение надписи, использованный в ней аллограф руны *г* позволяет предположительно датировать ее IX–X вв.

Оба граффити из Айя-Софии типичны для бытового письма эпохи викингов – раннего средневековья: они крайне небрежно выполнены коротковетвистыми рунами и соотносятся с граффити на стенах церквей в Скандинавских странах.

В отличие от них надписи на Пирейском льве (под таким названием памятник вошел в литературу) представляют собой уникальное явление: крайне необычен предмет, на котором они были сделаны, изысканна орнамента одна из них, включающая сложное переплетение змеев, образующих несколько петель, нетрадиционно и содержание надписей.

⁴² СРН. А-III.2.1. Березанский памятник в принципе имеет самое непосредственное отношение к “византийской” тематике, поскольку само его местонахождение – на о-ве Березань (Св. Эфений), согласно Константину Багрянородному (*Константин Багрянородный. Об управлении империей*. М., 1999. С. 48/49), росы делали остановку на несколько дней и переоснащали суда – указывает на то, что он был сделан скандинавами (шведами) по пути в Византию или из нее. Более того, именование человека, в чью память был установлен камень, *félagi* “товарищ, компаньон”, может свидетельствовать о том, что поездка имела целью торговлю.

⁴³ Barnes M., Hagland J.-R., Page R.I. *The Runic Inscriptions of Viking Age Dublin*. Dublin, 1997.

⁴⁴ Lerche Nielsen M. *Runeindskrifterne fra Starigrad/Oldenburg og andre runefund fra det vestslaviske område // Danske studier*. 1999. S. 16–36.

⁴⁵ СРН. А-Приложение.

⁴⁶ СРН. А-Приложение 1.

⁴⁷ СРН. А-Приложение 2.

⁴⁸ На прориси автора чтения, М. Ларссона, руна *k* отделена от предшествующей двумя точками в верхней половине строки. См.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи... С. 259.

Две скульптуры львов из белого мрамора, которые украшали ворота (Porto Leone) в Пирее, гавани Афин, попали в Венецию в 1687 г., когда во время войны с турками венецианский главнокомандующий Франческо Моросини вывез их из Греции. Впервые о наличии рунических надписей на туловище одного из львов было сообщено в 1800 г., после чего надписи неоднократно изучались. Однако крайне плохая сохранность рез (она отмечалась уже в 1800 г.) и последующее ухудшение состояния надписей делают их чтение затруднительным. Обстоятельно познакомившись с памятником в 1994 г., я обнаружила появление новых и весьма обширных утрат, которые были отмечены мною на прорисях, опубликованных в 1914 г. наиболее обстоятельным исследователем текстов, выдающимся шведским рунологом Э. Брате⁴⁹.

На туловище льва в разных местах нанесено несколько надписей. На левой стороне статуи, которую Брате обозначил стороной I, одна (или две) размещены на плече и передней лапе льва (I-A и I-B); еще одна находится на бедре задней лапы (I-C). На правой стороне (II) извивающийся рунический змей (возможно, с дополнительными змеями) с еще одним текстом занимает плечо и грудь льва.

По мнению Брате, согласившегося со своими предшественниками, все надписи образуют единый текст. Главным аргументом в пользу этого служит то, что в тексте на правом плече льва, согласно его чтению, присутствует подпись рунографа, каковой не имеется в других надписях. Поэтому Брате полагал, что текст начинается на левой стороне статуи (I) и продолжается на правой стороне (II).

Прежде чем интерпретировать состав граффити на статуе и содержание текстов, необходимо подробнее рассмотреть каждую из надписей. Отмечу при этом, что нынешнее состояние памятника заставляет опираться на чтения Брате, часть которых поддается проверке и за редчайшими исключениями соответствует моим наблюдениям. На ряде же отрезков текстов такая проверка оказалась уже невозможной⁵⁰.

Надпись I-A выполнена на спускающемся на левую переднюю ногу льва и поднимающемся снова вверх туловище рунического змея, контуры которого ныне сохранились лишь в немногих местах. Голова змея с заостренным носом и круглыми глазами по бокам (ныне практически не видны) завершала левую часть полосы и была изображена сверху. Хвост располагался сверху справа (ныне также не просматривается). Этот тип изображения рунического змея датируется началом – первой половиной XI в.⁵¹

Текст выполнен сочетанием полно- и коротковетвистых рун и написан бустрофедоном – редкий случай для рунического письма XI в.⁵² Его палеографической особенностью является использование пунктированной руны е, что указывает на его написание ближе к середине XI в.

⁴⁹ Brate E. Pireuslejonets runinskrift // Antikvarisk tidskrift för Sverige. 1914. Del 3. N. 20.

⁵⁰ Все эти особенности состояния надписей, равно как и возможность отличных от Брате чтений, подробно оговорены мною в кн.: СРН. С. 260–271.

⁵¹ Gräslund A.-S. Rune Stones – On Ornamentation and Chronology // The Twelfth Viking Congress. Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. Stockholm, 1994. P. 126.

⁵² Аналогично, на полосе, состоящей из четырех колен, но не оформленной в виде змея, расположена надпись на памятнике из Вестра Лединге (Упланд, середина XI в.). Он установлен в честь двух родственников (братьев?, отца и сына?), Орма и Ормульва, которые “умерли в греках” (СРН. Б-III.7.7).

Надпись, лишь частично читавшаяся уже во времена Брате, восстанавливается им следующим образом⁵³:

Транслитерация:

[hiuku þir hi]lfniks m[ilum hna : en i hafn þesi þir min eoku run]ar at
ha[ursa] buta [kuþan] a ua[h]

Древнеисландский текст (Э. Брате):

Hioggu þeir
helfnings millum hann,
en í hafn þessa þeir menn
hioggu rúnar
at Horsa bónda góðan á vág⁵⁴.

Перевод:

“Сразили [ударом] его среди войска, а в этой гавани мужи высекли руны по Хорси (?), доброму мужу, в заливе”.

Очевиден нетрадиционный характер этого текста: начальная формула “N. установил этот камень по X., своему (отцу, сыну, брату)”⁵⁵ перенесена в конец, большое количество слов, начинающихся руной **h**, указывает на вероятность того, что текст представляет собой аллитерационное стихотворение. Поэтический характер текста может объяснять и перенос формулы, хотя, как правило, в шведских рунических надписях стихотворная часть не включала начальную формулу, а следовала за ней, и необычный синтаксис фразы: вынесение сказуемого на первое место перед подлежащим в первом предложении, вынесение на первое место обстоятельства места – во втором, использование синонимической пары *í hafn* и *á vág* в начале и в конце предложения.

Чтение имени *Horsi* (< др.-исл. *hross* “конь”, ср. имена мифологических братьев, завоевавших Британию: *Hengist* и *Horsa*) основано на конъектуре: Брате восстанавливает три из шести читаемых им рун. Однако имя не встречается в рунических надписях в бесспорных формах⁵⁶. Количество же рун между **ha** и **a** устанавливается предположительно: на прориси просматриваются пять черточек внизу, что может соответствовать как трем восстанавливаемым Брате рунам, две из которых имеют ветви, доходящие до низа строки (**u** и **g**), так и пяти рунам с ветвями, расположенными в середине или вверху ствола. Поэтому не исключено, что здесь могло стоять какое-то иное мужское имя, написание которого включало от шести до восьми рун, т.е. имя могло быть и двухосновным. Мало вероятно и написание имени *Horsi* с руной **a** или сочетанием рун **au** для обозначения | o |. Как правило, этот звук

⁵³ В транслитерации Брате полужирным шрифтом выделены уверенно читающиеся руны, курсивом – руны, читающиеся предположительно, светлым шрифтом – конъектуры. В квадратные скобки мною взяты места, ныне не читающиеся.

⁵⁴ *Brate E. Pireuslejonet...* S. 9–14.

⁵⁵ См. о формульности надписей: СРН. С. 16–17.

⁵⁶ В справочнике личных имен в рунических надписях из всех Скандинавских стран Л. Петерсон не указывает ни одного случая использования этого имени, но отмечает наличие двухосновного имени *Horsefni* с первой основой *Hors-* (*Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon // <http://www.sofi.se/SOFIU/runlex>*. S. 100). В более раннем кратком каталоге Я. Уве привел три случая интерпретации неясных групп рун на шведских памятниках в качестве имени *Horsa* (*Owe J. Svenskt runnamnregister. Stockholm, 1993. S. 37*). Однако во всех трех случаях позднейшие издатели рунических надписей отказались от этих чтений, что и явилось основанием для Л. Петерсона не включать их в свой справочник.

передавался руной **u**. Поэтому более вероятно прочтение начальной части имени как *Há-*; возможно, это первая основа (от др.-исл. *hár* “высокий”), чрезвычайно широко распространенная в древнескандинавском антропонимиконе⁵⁷. Поэтому наименование человека, в память о котором вырезана надпись, Хорси мало вероятно. Очевидно лишь, что имя, вероятнее всего, начиналось на *Há-* и имело слабую форму с окончанием *-i*.

Определение погибшего как “доброго мужа” (*bóndi góðr*) имеет многочисленные аналогии в рунических надписях. Однако слово *bóndi* “бонд (свободный крестьянин), муж, супруг” обычно применяется для обозначения супруга в рунических памятниках, заказанных женщиной: “N. установила памятник по N., своему супругу”⁵⁸. Впрочем, оно может употребляться и в более широком значении⁵⁹, как, видимо, и в данном случае. Определение *góðr* “добрый” широко распространено в рунических надписях в качестве характеристики человека, в честь которого воздвигнут памятник. Чаще всего оно встречается в сочетании с термином *drengr* “воин”, обычно молодой и, как показал А. Рупрехт, неженатый и не имеющий еще своего хозяйства⁶⁰.

Стихотворному характеру текста соответствует употребление слова *helfningr* в значении “войско” – оно используется в основном в скальдической поэзии⁶¹, но встречается и в рунических прозаических текстах⁶².

Таким образом, надпись I-A является по своему содержанию мемориальной, но в ней не использована традиционная для мемориальных текстов формула, определяющая заказчика памятника и поминаемого. Она выполнена на туловище рунического змея, форма которого датируется первой половиной XI в., но содержит палеографические признаки, относящие ее к концу этого периода. Надпись версифицирована, чем объясняется своеобразие ее синтаксиса и словоупотребления.

Надпись I-B начинается примерно в 10 см выше хвоста змея надписи I-A и спускается по туловищу льва. Уже в середине XIX в. она разделялась на две части поврежденным участком; в настоящее время надпись настолько затерта, что знаки почти не просматриваются. Оформление строки, на которой высечена надпись, установить невозможно.

Надпись выполнена сочетанием полно- и коротковетвистых рун.

Брате восстанавливает текст следующим образом:

Транслитерация:

*riþu suiar þitalinu <...> furapum kul uan farin*⁶³.

Древнеисландский текст (Э. Брате):

⁵⁷ Janzin A. De fornvästnordiska personnamn. Nordisk Kultur. Stockholm, 1947. В. VII. S. 74–76.

⁵⁸ СРН. Б-III.5.13; Б-III.5.23; Б-III.7.3; Б-III.7.29 и др.

⁵⁹ Например, СРН. Б-Приложение 1.18.

⁶⁰ Ruprecht A. Die ausgehende Wikingerzeit im Lichte der Runeninschriften. Göttingen, 1958. S. 41–47.

Предположения о терминологичности слова (обозначение им определенного статуса воина в войске) не имеют прямых подтверждений в надписях. См.: СРН. С. 18.

⁶¹ Jónsson F. Lexicon poeticum. 2 udg. København, 1966. S. 242.

⁶² СРН. Б-III.9.1 и 9.2. Наиболее употребительным как в рунических надписях, так и в древнеисландской литературе было слово *lid* “народ, люди, войско, дружина”. Более специализированное значение имело слово *þingalid* “наемное(?) войско” от *þinga* “наниматься на службу” (СРН. Б-III.5.17). Производные *þingamadr* и *þingamannalid* встречаются в скальдических висах XI в., особенно часто по отношению к варяжскому корпусу в Константинополе (Sveriges runinskrifter. Stockholm. В. VIII. Upplands runinskrifter. 1953. Н. I. S. 146–154).

⁶³ Brate E. Pireuslejonet... S. 16–19.

Réðu svíar þetta á leónu <...> Fór ráðum, gull vann farinn.

Перевод:

“Поместили swei это (надпись. – *Е.М.*) на льве <...> [Он] действовал с умом, золото завоевал, поехав (т.е. в своей поездке. – *Е.М.*)”.

По мнению Брате, текст состоит из трех предложений. Наибольшие трудности вызывает интерпретация второй фразы, необычной по синтаксису. Первое слово, в чтении Брате, соответствует др.-исл. *fór*, претерит 3 л. ед. ч. от глагола *fara* “ехать, передвигаться; действовать, вести себя” (в последнем случае требует дат.п.), и *raðum*, дат.п. мн. ч. от *ráð* “совет, решение, ум”. Руна *r*, таким образом, обозначает и конечное *-r* в слове *fór*, и начальное *r* в слове *ráðum*. Смысл предложения при таком чтении – похвала разумности, осмотрительности, проницательности некоего человека, позволившим ему получить золото. Однако похвала названным качествам не встречается в рунических надписях, где прославляются воинские доблести, щедрость и т.п. Более того, выражение *gull vann* “завоевал золото” находится в явном противоречии с качествами, которые предполагает слово *ráð*. Поэтому реконструкция группы рун *furarum* представляется по меньшей мере ненадежной, но предложить другое чтение невозможно из-за повреждений текста.

Восстанавливаемая с большей достоверностью часть надписи может предположительно рассматриваться как мемориальная с модифицированной начальной формулой. В ней указаны создатели надписи – *svíar* “свеи” (видимо, товарищи по оружию поминаемого), действие по нанесению надписи – *réðu*, претерит 3 л. мн. ч. от глагола *ráða* с большим количеством значений, в том числе “помещать”⁶⁴, предмет, на котором выполнена надпись, – *á leónu* “на льве”. Необычность употребленного глагола может объясняться необычностью и самого предмета, на который нанесена надпись. Особыми условиями, в которых находились заказчики (резчики) и поминаемый, видимо, можно объяснить и крайне нетипичный способ их самоидентификации. Это едва ли не единственный случай, когда заказчики (резчики) памятной надписи определяют себя по своей этнической принадлежности, а не по своим личным именам или своему социальному статусу (ср. надпись I-C).

Заключительная читаемая часть надписи *gull vann farinn* “завоевал золото в поездке” имеет соответствия в шведских надписях, посвященных ездившим в Византию: три из них говорят о приобретении там богатств, причем в двух случаях употребляется скальдическая метафора *skifa gull* “дробить золото” (см. выше). Эта часть, как и в шведских текстах, имеет целью прославление поминаемого.

К сожалению, центральная часть надписи, в которой должно бы было быть – в соответствии с традиционным построением рунических текстов – имя человека, в честь (или в память?) которого надпись высечена, отсутствовала уже в XIX в. Поэтому аргументированная атрибуция надписи невозможна. Брате считал, что она является продолжением текста I-A и речь в ней идет о том же Хорси, погибшем в сражении, но до этого приобретшим

⁶⁴ Как правило, в рунических надписях глагол *ráða* означает “читать, понимать” в обращениях к тем, кто увидит памятник: “*Brandr rítti iak, þú ráða kann*” – “Бранд написал, чтобы можно было прочитать (понять)” (СРН. Б-III.1.8.1.). Наиболее распространенными глаголами – если речь идет о памятнике – являются *reisa (stein, kuml)* “воздвигать” (камень, насыпь), *hoggva (stein, merki, rúnar)* “высечь” (камень, знаки, руны). См.: СРН. С. 16–17.

ценности. Это действительно вероятно, поскольку надписи расположены рядом и выполнены редко встречающимся сочетанием полноветвистых и коротковетвистых рун. Более того, в обеих надписях все руны *s* представлены полноветвистым аллографом, все руны *t* – коротковетвистым, руны *a* и *n* – обоими вариантами. Если предположить, что началом текста является не стихотворная часть (I-A), а прозаическая (I-B), то надпись приобретает традиционный вид: как и подавляющее большинство надписей из Швеции, Дании и Норвегии, она начинается с формульной части, несколько модифицированной в силу особых условий создания памятника, и продолжается версифицированным повествованием об обстоятельствах гибели поминаемого.

Надпись I-C выполнена на прямой полосе на той же стороне туловища льва, но на бедре задней ноги льва. Она плохо читалась уже в то время, когда была обнаружена. Ныне знаки неопределимы, на месте надписи прощупываются лишь отдельные углубления.

Транслитерация:

trikiaristu runar <пропуск в 20 см> **hiuku** (?)

Древнеисландский текст (Э. Брате):

Drengjar ristu rúnar...

Перевод:

“Воины вырезали руны...”.

Надпись выполнена сочетанием полно- и коротковетвистых рун. Руны *s* и *t* представлены коротковетвистыми аллографами, все руны *a* и *n* – полноветвистыми, т.е. соотношение обоих типов рун не соответствует надписям I-A и I-B.

Утрата значительной части текста не позволяет решить, была ли надпись мемориальной, увековечивавшей память о каком-то человеке, или росписью людей, побывавших в Пирее: сохранившиеся первые три слова текста могут быть как началом мемориальной формулы “Воины вырезали руны [по N., своему сотоварищу]”, так и законченным предложением. Однако длина надписи (более 20 см после слова **runar**) наводит на мысль, что скорее это была мемориальная надпись.

Обозначением резчиков рун служит термин *drengr*, применявшийся обычно для определения молодых воинов, возможно, младших членов дружины (см. выше). Характерной особенностью формы слова, стоящего в им. п. мн. ч., является наличие *-j* перед окончанием: *drengjar*. Эта форма указывает, по мнению Брате, на шведское происхождение надписи: в западноскандинавских (исландском, норвежском) языках должна была бы быть форма *drengir*⁶⁵.

Употребление социальных обозначений заказчиков мемориальных надписей вместо их личных имен неоднократно встречается в шведских рунических памятниках. Наиболее распространенными категориями заказчиков, не являвшимися родственниками умершего, были “сотоварищи (компаньоны)” – *félagi* и “дружинники (домочадцы)” – *húskarlar*⁶⁶. *Drengir* в этом качестве не выступают почти никогда, что, впрочем, не исключает возможности того, что в данном случае они и только они могли сделать мемориальную надпись в память о своем товарище по оружию.

⁶⁵ *Brate E. Pireuslejonet... S. 21–22.*

⁶⁶ СРН. С. 17.

Объединение надписи I-C с двумя первыми, на чем настаивал Брате, представляется мало вероятным. С одной стороны, она помещена в совершенно ином месте статуи и пространственно не связана с ними. Во-вторых, не совпадают палеографические характеристики надписей. Наконец, начало мемориальной формулы обозначает заказчиков/резчиков надписи отличным от первой образом: с помощью социальной, а не этнической идентификации.

Надпись II находится на правой стороне скульптуры, на плече и частично груди льва. Она выполнена на туловище рунического змея, образующего фигуру в форме буквы S, положенной набок и пересекаемой в середине продольными узкими полосами. Туловище змея в нескольких местах оплетено дополнительными узкими лентами (змеями?). Голова змея, изображенная в профиль, имеет треугольную сильно вытянутую форму с миндалевидным глазом, с завитками на кончике носа и на нижней губе и с отогнутым назад ухом. Композиция рисунка, равно как и форма головы змея, характерны для среднешведского рунического стиля последней четверти XI – начала XII в.⁶⁷ Надо отметить высокую квалификацию человека, выполнившего эту надпись: голова змея может быть причислена к лучшим образцам рунического стиля по изяществу и точности исполнения, продуманы и тщательно проработаны переплетения узких лент и связки. Очевидно, что надпись сделана опытным рунографом из Средней Швеции.

Из-за многочисленных и обширных повреждений значительные части рисунка (и надписи, расположенной на туловище змея) были утрачены уже к середине XIX в. и реконструировать их не представляется возможным. В связи с большими повреждениями сложно установить и начало надписи, и последовательность чтения отдельных фрагментов. Исходя из содержания сохранившихся частей текста, Брате считает, что надпись начинается от завитка на утолщенной части туловища змея. Текст на двух оборванных полосах он выделяет в качестве отдельной надписи, обозначая ее В, тогда как надпись на S-образном туловище змея он обозначает как надпись А.

Транслитерация:

А. На туловище змея:

× pair × isk [36 см] rlifr litu auka × ui [13 см] roþrs × lanti
 5 10 15 20 25 30
 × b [28 см] a × sun iuk × gu [не менее 15 см] nar þisar
 35 40 45

В. Под завитком:

ufr uk [12 см] ii sti [23 см] a
 5 10

На петле вверху:

uan farn ×
 15

Древнеисландский текст (Э. Брате):

þeir Isk- [...] -rleifr létu hoggva vel [...] Róðrs landi b- [...] -a sonr k- (или -a suirk-) ru- [...] -ar þessar // ufsuk-...s?sa?... // vann farinn.

Перевод:

⁶⁷ Gräslund A.-S. Rune Stones – On Ornamentation and Chronology. P. 122–123.

“Они, *isk-* [ряд личных имен и] *-rlifr* велели высечь хорошо [... в] Родрланде [...] сын (?) [...]пу]ны эти // *ufisuk-* [...] *s?sa?* [...] завоевал, поехав (в поездке)”.

Надпись выполнена сочетанием коротко- и полноветвистых рун: для рун *t*, *o*, *a* и *n* употребляются только коротковветвистые аллографы, руна *s* представлена обоими аллографами. Регулярно используются разделительные знаки между словами в форме косоугольного крестика, в том числе и в двуосновных словах.

Предложенное Брате начало текста × *pair* × *isk*⁶⁸ согласуется с обычной вводной формулой среднешведских мемориальных надписей: имена нескольких заказчиков памятника предваряются личным местоимением 3 л. мн. ч. *þeir* “они”⁶⁹. Руны 5–7 *isk* предположительно являются начальной частью личного имени. Брате восстанавливает имя *isk[il]* – *Æskil*, *Æskell*, однако возможны и другие варианты. *is* может передавать как основу *Æs-*, так и *Ís-* (ср., например, *Ísleifr*), вторых же основ, начальной руной которых было бы *k*, т.е. которые бы начинались звуком *k* или *g*, настолько много, что никакие предположения здесь невозможны, тем более, что неизвестно и количество рун, составляющих имя.

Следующий сохранившийся фрагмент текста (ныне уверенно читаются только руны *f* и *uk*), судя по слову *litu*, является продолжением вводной формулы, выражающей заказ памятника. Глагол *lata* “велеть” (N. велел высечь/вырезать/установить...) используется в сотнях случаев и образует наиболее употребительную формулу. Вероятно, за ним следовал глагол *haggva* “высекать”, хотя в его написании имеются ошибки.

За поврежденным пространством в 13 см следует участок с рунами 23–32, часть из которых сильно повреждена, часть более или менее уверенно читалась во времена Брате, несколько – сохранились до настоящего времени. Остановлюсь на этом фрагменте надписи более подробно (приведу характеристику каждой из рун), поскольку именно в нем присутствует нередко упоминаемый в литературе топоним *Ródsland*, соотносимый с наименованием *röps-* > *ruotsi* > *русь*.

От руны 23 Брате проследил ствол и верхнюю часть опускающейся и закругленной ветви, что может соответствовать рунам *g* или *u*. Выбор между этими вариантами определяется следующей, хорошо читавшейся и частично просматриваемой ныне руной *o*, перед которой значительно вероятнее руна *g*, нежели *u*⁷⁰. Руна 25, частично поврежденная и нечитаемая ныне, отождествляется Брате и предшествующими исследователями с *þ*. Следующая, не учитываемая в нумерации руна, практически полностью уничтожена выемкой, но значительное пространство между рунами 25 и 26 указывает на то, что здесь находился один из широких знаков. Брате отмечает следы нижней части ствола и ветви на краю выемки и предлагает конъектуру *g*⁷¹. От руны 26 сохранилась нижняя и средняя части, которые позволяют отождествить ее с полноветвистой руной *s*. Возможно, после руны 26 имелся разделитель-

⁶⁸ *Brate E. Pireuslejonet...* S. 24. Руны 1–6 более или менее уверенно просматриваются и ныне.

⁶⁹ Ср.: СРН. Б-III.1.1; Б-III.5.9; Б-III.7.7 и др.

⁷⁰ *Brate E. Pireuslejonet...* S. 26. Добавлю, что в своем словаре шведских рунических надписей Л. Петерсон не отмечает ни одного случая сочетания рун *uo* в начале слова [*Peterson L. Runordregister. 2 uppl. Uppsala, 1994 (Runrön 2).*]

⁷¹ *Brate E. Pireuslejonet...* S. 26.

ный знак, однако на этом месте образовалась выемка, полностью его уничтожившая. Руна 27 представлена верхними частями ствола и ветви, которые соответствуют руне I, знак 28 почти полностью уничтожен, кроме нижней части ствола и слабых следов ветви, указывающей на то, что это руна а. Значительно лучше сохранились руны 29 и 30, п и t, первая из которых полностью читается и сегодня, вторая просматривается частично. Руна 31 представлена слабо углубленным стволом, на котором ветви не прослеживаются, что соответствует руне i. Завершает группу разделительный знак, который также затерт. Следующая за ним руна читается как b. Таким образом, эта группа, в которой все знаки, кроме одного (второе r), определяются достаточно уверенно, прочитывается как *roþrs × lanti × b*.

В этой фразе с очевидностью выделяется слово *landi*, дат. п. ед. ч. от *land* “земля, страна”, которое широко употребительно в качестве географического термина в названиях стран и земель (*England, Eystland* и мн. др.). Типично и употребление хоронима в дат. п.: формула обозначения места состояла из предлога *á* или *í* + хороним в дательном падеже (*á Serklandi, á Liflandi, í Englandi*). Поэтому представляется совершенно справедливым мнение Брате, что группу *roþrs × lanti* следует интерпретировать как хороним **Rodrslan* с предлогом *á* или *í*⁷². Учитывая шведское, а точнее, среднешведское происхождение надписи (о чем с непреложностью свидетельствует орнаментика), ближайшей аналогией хоронима является название прибрежной области Упланда, которая в современном языке носит наименование *Roslagen* < *Rod(r)slagen*. Этот топоним многократно встречается в шведских источниках XIV в., судебных актах и грамотах: *Robin* (им. п.; *Upplands lagar*), *Ropzs bo* (род. п.; *Östergötlands lagar*. Dr. B, 14 : 1), *Ropsins utskyldir* (род. п.; *Upplands lagar*), *vm Ropæ ræt* (род. п.; *Upplands lagar*), *aff Rodhenom* (дат. п.; *Stads lag*), *Rodhrinh* (вин. п.; под 1296 г.: *Svenska Diplomatarium* II. 204), *Rothin* (вин. п.; под 1331 г.: *Svenska Diplomatarium* IV. 230) и др.⁷³

Топоним *Ropslagen* восходит к др.-исл. *róðr* (**rōþra-*), др.-швед. *róþer* “гребля” (ср. др.-исл. *róa* “грести, плыть на гребном судне”), откуда “поход на гребных судах”, а также “отряд, участвующий в походе на гребных судах”. В этом последнем значении слово засвидетельствовано в рунической надписи первой половины XI в. из *Nibble*, Упланд (Up. 16): *han . uas . buta . bastr . i ruþi . hakunar* “Он был лучшим из бондов/мужей в походе/отряде Хакона”. В другой упландской надписи, из *Adelsö* (Up. 11), назван некто *toliR . bryti . i roþ* “Толир, брюти (должностное лицо конунга. – *Е.М.*) в походе/в войске”, в обязанность которого, как считал О. фон Фрисен входил сбор команды и оснащение корабля⁷⁴. Использование слова *róðr* в качестве топоосновы связано с административным делением Средней Швеции, в первую очередь прибрежных областей, на “корабельные округа” (*skepslag*), каждый из которых должен был поставлять снаряженный корабль с командой в войско, собираемое по приказу конунга (ледунг).

Вместе с тем Брате отмечает, что и реально встречающиеся, и восстанавливаемые формы родительного падежа топонима *Robin* не имеют *-r-* после *-þ-*, как в надписи на Пирейском льве. Однако слово *róðr* имеет две фор-

⁷² Ibid. S. 26–27.

⁷³ См. подробнее: Ibid. S. 28–29.

⁷⁴ *Friesen O. von. Upplands runstenar. Uppsala, 1913. S. 58.*

мы родительного падежа: *róðrar*, которая регулярно встречается в композициях (*róðrar-leiði* “спокойное море, штиль”, *róðrar-skip* “гребное судно”), и *róðrs/róðs*, где возможно сохранение *-r*⁷⁵. Поэтому форма, представленная в надписи на Пирейском льве, представляется вполне возможной.

Следующее за топонимом **Róðrsland* слово начинается, согласно чтению Брате, руной **b**, которая, по его мнению, может открывать глагол *búa* “жить, обитать” в форме претерита 3 л. мн. ч. *bjoggu*⁷⁶. Фраза тогда определяет заказчиков надписи (и поминаемого?) как жителей области **Róðrsland*.

После обширного поврежденного участка в 28 см, на горизонтально идущей части туловища змея просматривались несколько знаков, от которых ныне остались лишь незначительные следы. Брате читает здесь типичную для среднешведских стел формулу подписи рунографа: “*N. hjogg runar þisar*”, где имя рунографа сопровождалось (или было заменено) патронимом: *-ason* (в качестве аналогии Брате ссылается на подпись известного мастера Асмунда, который в нескольких случаях добавил к своему имени патроним, например, *osmuntr karasun markafi* “Асмунд Карасон сделал”⁷⁷).

Если определение рун 39–40 (**ru**) и 43–49 (**ar þisar**) сомнений не вызывает, то как чтение остальных рун, так и даже их число, судя по прориси и моим наблюдениям, отнюдь не бесспорно, тем более, что их разделяет промежуток в 15 см. Соединение рун 39–49 в единую группу и прочтение их как *ruþinar þessar* в высшей степени заманчиво, но этому мешает промежуток между ними. Более того, именно в этом месте остается неясной композиционная организация надписи. Изогнутая в форме буквы S и затем пересекающая ее в средней части основная полоса (туловище змея) обрывается в результате повреждения поверхности камня, и практически невозможно определить, каким образом она продолжалась. В любом случае ее соединение с полосой, на которой написано **ar þisar**, маловероятно: слишком велико – практически в два раза – различие между шириной строк.

Часть надписи на отдельных фрагментах полос – П-В – читается Брате как единый текст (исходя из предположения, что фрагменты образовывали отдельную надпись на не связанной с основной композицией ленте внизу)⁷⁸. Надо отметить, что нет уверенности в том, что фрагменты внизу и сверху образовывали единую полосу: на поверхности камня в центре ныне не прослеживаются никаких следов ограничительных линий или рун, как не прослеживались они и в то время, когда была сделана прорись. Крайне мало вероятно также, чтобы дополнительная полоса с текстом начиналась обрубленной, не вписанной в общую композицию строкой, тем более, что человек, выполнивший эту надпись был высоко квалифицированным профессионалом. Значительно вероятнее, что и тот, и другой фрагмент являются частями еще одной петли или какого-то другого орнаментального элемента. Поэтому соотношение первого и второго фрагментов неопределимо.

Чтение первого фрагмента (ниже завитка) представляется практически невозможным из-за малого числа более или менее сохранившихся рун. Вто-

⁷⁵ Noreen A. Altisländische und altschwedische Grammatik. Halle (Saale), 1903. S. 218. Брате приводит также ряд примеров сохранения *-r* в морфологически сходных словах в шведском руническом письме (Brate E. Pireuslejonet... S. 29–30).

⁷⁶ Brate E. Pireuslejonet... S. 27.

⁷⁷ СРН. Б-Приложение 1.4.

⁷⁸ Brate E. Pireuslejonet... S. 33–35.

рой фрагмент на полосе, обвивающей основную полосу, уверенно читался при составлении прориси, стволы рун прослеживаются и ныне. Брате полагает, что группа рун *uanfarn* содержит те же два слова, *uan* и *farn*, что и надпись I-B во фразе *gull vann farinn* “золото добыл, поехав (в поездке)”.

Таким образом, содержание этой пространной надписи полностью не восстанавливаемо. Очевидно, что это мемориальная надпись, заказанная нескольшими людьми по остающемуся неизвестным нам человеку⁷⁹. Либо заказчики, либо поминаемый, а может быть, и все они были выходцами из среднешведской приморской области Рослаген. Очевидно, что эта надпись выполнена высоко квалифицированным среднешведским рунографом последней четверти XI – начала XII в.

Все четыре надписи, нанесенные на скульптуру льва, бесспорно, принадлежат шведской рунографической традиции XI в.: об этом свидетельствуют характерная орнаментика надписей I-A и II, упоминание свеев (*sviár*) в надписи I-B и области Рослаген (**Ródrslánd*) в надписи II, специфически шведские грамматические формы в надписи I-C, вводные формулы и определения во всех надписях.

Вместе с тем я не вижу оснований полагать, как это делал Брате и его предшественники, что все надписи образуют единый текст и посвящены одному и тому же человеку (некоему Хорси). В качестве одного из важнейших подтверждений своей точки зрения Брате указывал на употребление одних и тех же формул и фраз в разных надписях: *hioggu rúnar* (I-A) и *létu hoggva vel* (II); *ristu rúnar* (I-C) и *ru- [...] -ar þessar* (II); *gull vann farinn* (I-B) и *vann farinn* (II). Однако все эти фразы (кроме последней) принадлежат к числу наиболее распространенных формул, которые могли использоваться разными мастерами независимо друг от друга. Не исключено, впрочем, и заимствование более поздним рунографом, автором надписи II, фраз и выражений предыдущих мастеров: именно в надписи II имеются параллели ко всем другим надписям, не имеющим между собой общих словосочетаний. Единственной действительно общей для всех надписей особенностью является замена руны **R** руной **г** во всех случаях, что необычно не только для шведских, но и для норвежских и датских памятников XI в., поскольку руна **R** более или менее регулярно употреблялась в окончаниях нескольких грамматических форм на протяжении всего XI в.⁸⁰ Эта специфика надписей требует своего объяснения, которое пока отсутствует, но не доказывает, что они выполнены одним человеком.

Более того, против предположения Брате говорит много других данных. Во-первых, в надписях употребляются различные аллографы ряда рун. Руна **s** в надписях I-A и I-B представлена только полноветвистым аллографом, в надписи I-C – только коротковетвистым, в надписи II – и тем, и другим. Руны **a** и **n** в надписи II имеют короткие (т.е. с одной стороны ствола) ветви, в надписи I-C – полные, в надписях I-A и I-B используются оба варианта. Лигатуры встречаются только в надписях I-B и I-C. Во-вторых, только в надписи II используются разделительные знаки, отсутствующие в других надпи-

⁷⁹ Сохранившийся текст не дает никаких оснований предполагать, как это делал Брате, что и эта надпись увековечивает память Хорси надписи I-A.

⁸⁰ Впрочем, с середины XI в. наблюдается тенденция к замене руны **R** руной **г**, в связи с исчезновением палатального [ʀ].

сях. В-третьих, каждая из надписей имеет собственную вводную формулу: во всех них указывается заказчик мемориальной надписи и оговаривается ее создание, что не требовалось бы, если бы они образовывали единое целое. Более того, все четыре вводные формулы различаются способами и обозначения заказчиков, и определения их действий:

Peir menn hioggu rúnar “люди/мужи высекали руны” (I-A),

Réðu sviár þetta “Поместили свеи это...” (I-B),

Drengjar rístu rúnar... “Воины вырезали руны...” (I-C),

Peir Isk- [...] -rleifr létu hoggva vel [...] ru- [...] -ar þessar “Они, isk- (ряд личных имен) -rleifr велели высечь хорошо [...] [...] руны эти” (II).

Даже в единственном случае совпадения глагола (*hoggva*), обозначающего изготовление мемориальной надписи, кстати, широко распространено, формулы, в которых он употреблен, различны. Трудно предположить, что один и тот же рунограф, вопреки распространенной практике, стремился разнообразить свой язык и изобретал новые обозначения для одних и тех же лиц, называя их то мужами, то воинами, то свеями, то поименно каждого.

Наконец, принципиальные различия имеет орнаментика надписей. Очевидна принадлежность надписей I-A и II к различным стилистическим группам, причем группам разновременным: орнаментика первой надписи относится к типу, бытовавшему в первой половине XI в., вторая – в 1075–1100 годы. Разновременность надписей подтверждается и палеографическими соображениями. Это исключает возможность их одновременного создания и соответственно единства их текстов. Столь же мало вероятна принадлежность одному мастеру надписей I-A и I-B, с одной стороны, и I-C, с другой: их отличает систематическое использование различных аллографов рун, чего не могло произойти, если бы они были выполнены одним мастером. Лишь надписи I-A и I-B обнаруживают палеографическое сходство, причем не только в употреблении одних и тех же коротко- и полноветвистых аллографов рун, но и в формах конкретных графов: так, руны **g** в обеих надписях имеют заостренные переломы ветви, карман руны **þ** всюду удлиннен и округл, несколько округлена ветвь руны **u**, низко начинаются и округлены ветви руны **f** (надо, правда, отметить, что те же особенности характеризуют руны **g** и **u** в надписи I-C). На связь этих надписей указывает и их расположение в непосредственной близости друг от друга: на мемориальных стелах нередко не поместившийся на туловище змея (или дополнительно вносимый) текст высекался на отдельной полосе, примыкающей к туловищу рунического змея. Вероятной несамостоятельности текста I-B соответствует и необычность формулировок и самого содержания надписи (если интерпретация Э. Брате верна): указание на предмет – скульптуру льва, на котором вырезана надпись, и на деятельность некоего человека.

Представляется, что на льве было сделано три отдельных надписи в разное время и различными людьми. Древнейшее граффито составляют надписи I-A и I-B, выполненные около середины XI в., второе – надпись I-C, время написания которой не установимо, кроме самой широкой датировки XI в., третье – надпись II, которая была сделана в последней четверти XI – начале XII в. Видимо, в первой половине XI в. какая-то группа “варангов”, вернувшись в Пирей из морского похода (или собираясь в него), сделала мемориальную надпись по своему погибшему, вероятнее всего, во время этого по-

хода сотоварищу (или предводителю). Не случайно в надписи упоминается гавань (*i hafn*) и залив (*á válg*). Необычный выбор предмета, на который была нанесена мемориальная надпись, мог диктоваться как отсутствием подходящего материала для памятника и времени для его обработки, так и выгодным расположением скульптуры – на воротах Пирейской гавани, где надпись могла быть увидена и прочитана многими приезжающими сюда скандинавами, – главное условие при выборе места для памятника. Удачное расположение надписи, видимо, побудило и других “варангов” оставить свои мемориальные надписи на льве. Показательно, что обе надписи на стороне I заказаны не конкретными людьми, а группами “варангов”, названных в первом случае “людьми, мужами”, во втором – “воинами”: видимо, эти группы были слишком велики, чтобы можно было назвать всех поименно – такой список в надписи II состоит не менее, чем из трех имен. Один из них, высекший надпись II, был, бесспорно, профессионалом-рунографом и, вероятно, оставил не одну стелу у себя на родине – в Восточном Упланде (?)⁸¹. Возможно, дальнейшее изучение и сопоставление этой надписи с восточнопландскими позволит хотя бы предположительно установить резчика надписи II. При этом он должен был находиться в Пирее достаточно долго, чтобы иметь возможность выполнить крайне сложный по композиции рисунок и нанести пространную надпись.

Установление одновременности надписей кардинально меняет представления и об атрибуции мемориальных текстов. Брате полагал, что все они выполнены в память о погибшем в бою (“Сразили [ударом] его среди войска”) некоем Хорси, имя которого он восстановил в надписи I-A. На эту реконструкцию повлияло наличие имени *mursa*, которое Брате интерпретировал как ошибочное написание вместо *hursa*, *Horsa* (вин. п. от *Horsi*) в надписи на камне из Ulunda, Упланд, воздвигнутом в память о человеке, который “приобрел богатство далеко в Греции”⁸². По мнению Брате, Хорси надписи из Ulunda вполне мог быть тем же самым человеком, в память о котором высечена надпись на Пирейском льве⁸³. В издании надписи из Ulunda (Söd. 792) Э. Вессен и С.Б.Ф. Янссон подробно остановились на предположении Брате и полностью отвергли его, указывая на крайне плохую сохранность рун 53–58 (по наблюдениям Янсона, сделанным в 1948 г.) и невозможность поэтому определения имени человека, в память о котором сделана надпись⁸⁴.

Рунические надписи существенно дополняют информацию о скандинаво-византийских связях XI в. Во-первых, надписи на шведских мемориальных стелах свидетельствуют о широком участии шведов в отрядах “варангов” и в торговых поездках в Византию, тогда как в многочисленных упоми-

⁸¹ Брате предполагает на основании орнаментики, что эта (и другие) надпись на Пирейском льве принадлежат хорошо известному мастеру Балли (*Brate E. Svenska runristare // Kgl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar. 1925. Del 33. N. 3. S. 58*). Э. Вессен и С.Б.Ф. Янссон, отмечая определенное сходство с манерой Балли, указывают на наличие и других мастеров, работавших в том же стиле: *Sveriges runinskrifter. 1951. B. 8. Upplands runinskrifter. N. 2. S. 385*.

⁸² СРН. Б-Приложение 1.15.

⁸³ *Brate E. Pireuslejonet... S. 19–20*.

⁸⁴ *Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1951. B. 8. Upplands runinskrifter / E. Wessén, S.B.F. Jansson. N. 2. S. 385*.

нениях о службе скандинавов в Византии в сагах речь идет исключительно об исландцах и норвежцах и почти только об их военной деятельности. Присутствие шведов подтверждается и среднешведским происхождением всех надписей на Пирейском льве.

Во-вторых, многократное упоминание стороны света, в которой находится Византия, – *austr* – выявляет особенности “ментальной карты” скандинавов: Византия относится ими к восточной части мира, поскольку путь в нее лежит на восток от Балтики через речные системы Восточной Европы. Одновременно наименование Византии, впервые засвидетельствованное в надписях на шведских мемориальных стелах, а затем воспроизводимое в сагах и других памятниках древнескандинавской литературы, *grik(k)jar* “греки” обнаруживает тождественность с древнерусским обозначением, которое соответствует наиболее распространенной словообразовательной модели для хоронимов/политонимов в древнерусском языке, но противоречит аналогичной модели в древнескандинавских языках. Поэтому представляется обоснованным предположение, что древнескандинавское наименование Византии было заимствовано на Руси во время совместных походов в Византию скандинавских и славянских воинов.

Наконец, именные граффити-подписи скандинавов в храме Св. Софии напоминают о “дворцовых варангах”, воинах императорской гвардии, среди которых уже и в X в., а тем более в XI в. было немало христиан⁸⁵. Они, вероятно, должны были сопровождать императора при посещении им собора (естественно тогда их нахождение на хорах), но и по собственному почину могли приходить на богослужение.

⁸⁵ О существовании “христианской руси” в середине X в. упоминается в договоре Игоря с греками 944 г. Говоря же о христианах-варангах в XI в., достаточно вспомнить о распространении культа св. Олава во время пребывания в Византии Харальда Сурового Правителя. См.: Мельникова Е.А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе // ВВ. 1996. Т. 56. С. 92–106.